

— Эх, — Ши Цзинь, развалившись на диване в гостиной, сокрушенно вздыхал с самым страдальческим видом.

Сяо Сы встревоженно спросил:

<*Что случилось, Цзинь-Цзинь?*>

— Анализирую все плюсы и минусы служебного романа, — ответил Ши Цзинь, снова тяжело вздохнув.

Система окончательно запуталась:

<*Служебного? Ты хочешь пойти на службу, Цзинь-Цзинь?*>

— Вообще-то я безработный бродяга, куда мне на службу? — Ши Цзинь перевернулся на живот и уставился в окно, по стеклу которого забарабанили первые капли дождя. — Раньше Лянь Цзюнь был моим боссом: я работал — он платил мне за труд, — продолжал он с тоской. — Это был честный обмен, и каждый знал свое место. Теперь же наши личные отношения изменились. Если он продолжит платить мне, но подсознательно перестанет нагружать работой, разве это не будет означать, что я просто живу на его содержании? Даже если я знаю, что он ничего такого в виду не имеет.

Сяо Сы с таким выводом не согласился и тут же возразил:

<*Но ты же работаешь! Разве Дорогуша не говорил, что твоя работа — сопровождать и защищать его? Вы каждый день вместе едите, ты делаешь ему массаж, заботишься о нем... и ты явно отлично справляешься, ведь Дорогуша наконец-то немного набрал вес.*>

Ши Цзинь опешил. В словах Сяо Сы и правда был смысл: когда он принял должность «Гуа-Четыре», ему ведь сказали, что его задача — находиться рядом с Лянь Цзюнем, разве нет? С этой точки зрения выходило, что он ни на день не прекращал работать.

Но чувство неправильности никуда не уходило.

Нахмурившись, он снова перевернулся на спину. Немного поразмыслив, он резко сел и выпалил:

— Нет, это не то! Я делаю все это потому, что люблю его, а не по долгу службы. Как забота о нем может считаться работой?

<*Но до того, как вы с Дорогушей стали парой, ты делал это именно потому, что это было твоей работой,*> — робко заметил Сяо Сы. <*Эм, Цзинь-Цзинь, я правда не понимаю, из-за чего ты так переживаешь...*>

Эти слова окончательно лишили Ши Цзиня дара речи — возразить было нечего. Он долго сидел неподвижно, а затем расслабленно откинулся на спинку дивана.

— Раньше мы не были вместе, поэтому все было в порядке, — вздохнул он. — А теперь, когда мы влюблены, получать деньги за заботу о нем... как-то это не так. Да и дело не только в этом: я просто хочу делать больше, хочу реально ему помогать. Он же работает на износ, у него столько забот...

Вот, например, сейчас: Лянь Цзюнь был как на иголках из-за того, что Гуа-Один и остальные

отправились громить те четыре организации. Сразу после собрания он вызвал Гуа-Девять, поручив ему систематизировать информацию и помочь четверке координировать действия. Лянь Цзюнь был настолько занят, что даже не пошел на обед, перехватив что-то на скорую руку прямо за рабочим столом.

Гуа-Один и остальные трое тоже носились как угорелые, завершая приготовления. Цели находились в четырех совершенно разных направлениях, причем одна из них — за границей. Им нужно было в кратчайшие сроки подготовить снаряжение и припасы, мобилизовать людей, изучить данные о противнике, добраться до места и разработать план боя... И пока все сбивались с ног, Ши Цзинь ничем не мог им помочь; у него оставалось столько свободного времени, что он тратил его на столь «важные» размышления о служебном романе...

— Какой же я все-таки бесполезный, — сокрушенно выдохнул он, случайно произнеся это вслух.

— Надо же, у тебя прорезалось самосознание, — раздался насмешливый фырк Фэй Юйцзина, незаметно появившегося в гостиной.

Ши Цзинь поднял на него взгляд. Заметив влажные волосы и следы капель на костюме, он догадался, что брат только что вернулся с улицы. А увидев темные круги у него под глазами, не задумываясь спросил:

— Похоже, ты плохо спал ночью. Кошмар приснился?

После увиденного на той вилле качество сна любого нормального человека ухудшилось бы — по крайней мере, на какое-то время. А круги под глазами Фэй Юйцзина были настолько темными, что о хорошем отдыхе не могло быть и речи.

Адвокат заметно напрягся, а затем холодно усмехнулся:

— Думаешь, все такие, как ты? — бросил он и развернулся к выходу, зашагав чуть быстрее обычного.

Ши Цзинь проводил его взглядом, поражаясь такому упрямству. Он повернулся к окну, за которым люди Гуа-Три, не обращая внимания на дождь, формировали автоколонну. Воспоминания о трагедии на вилле не давали ему покоя.

Око за око — это, конечно, справедливо и захватывающе, но когда «Аньи» нанесет ответный удар, без раненых с их стороны точно не обойдется, а может, случится и кое-что похуже...

Закончив последние приготовления, Гуа-Один и остальные собрали своих людей и выдвинулись на задания в разных направлениях.

Лянь Цзюнь и Ши Цзинь провожали их вместе, стоя плечом к плечу и глядя, как машины скрываются за поворотом дороги.

— Ши Цзинь, я помню, что ты не только мой возлюбленный, но и мой подчиненный — причем превосходный. Я никогда не хотел зарывать твой талант в землю, привязывать тебя к себе и мешать твоему росту, — неожиданно произнес Лянь Цзюнь, беря его за руку. Вглядываясь вдаль, он тихо добавил: — Просто я еще не готов смотреть, как ты вот так уезжаешь, не готов лично отправлять тебя на поле боя. У тебя пока недостаточно опыта для крупных столкновений

и операций, а я к этому морально не готов. Сейчас я не могу позволить тебе рисковать собой. Мы еще не готовы — ни ты, ни я... Ши Цзинь, пожалуйста, дай мне немного времени.

Ошеломленный Ши Цзинь посмотрел на Лянь Цзюня и инстинктивно сжал его ладонь в ответ.

— Лянь Цзюнь...

— Мне правда нравится, когда ты меня так называешь, — Лянь Цзюнь посмотрел на него снизу вверх и поцеловал тыльную сторону его ладони. — Если мы хотим сохранить наши отношения надолго, нам абсолютно необходимо научиться работать вместе. Я слишком загружен и порой могу упускать из виду какие-то вещи — даже очень важные. Когда такое случается, пожалуйста, говори мне об этом: я не хочу, чтобы ты грустил.

Слушая Лянь Цзюня, Ши Цзинь почувствовал, как сердце мгновенно тает от нежности.

Ну как этот человек может быть настолько чутким и внимательным? Ши Цзинь ведь спросил об этом всего один раз, а потом, хоть и чувствовал себя немного подавленным, старательно избегал этой темы, не желая его волновать. И все же Лянь Цзюнь все заметил и, едва разобравшись с самыми срочными делами, сразу же искренне объяснился с ним.

Он не удержался, наклонился и обнял своего возлюбленного:

— Я и правда немного грустил, но не из-за тебя, а из-за себя самого. Мне кажется, что я ничем не могу тебе помочь... Прости меня. Ты и так по горло в делах, а я еще заставил тебя переживать обо мне.

— Переживать о тебе — это моя привилегия, — мягко успокоил его Лянь Цзюнь, поглаживая по волосам. — То, что ты рядом со мной — уже самая большая помощь.

«Ох, какой же ты все-таки льстец».

Складка между бровями Ши Цзиня разгладилась, и от хандры не осталось и следа. ему хотелось одновременно и рассмеяться, и развести руками от собственного бессилия: прекрасно понимая, что Лянь Цзюнь просто его успокаивает, он все равно был абсолютно не против позволить себя успокоить.

Говорят, любовь делает людей глупцами — похоже, он не стал исключением.

А может, дело не в том, что любовь глупа, просто влюбленные не хотят быть обузой для тех, кто им дорог, и потому с радостью соглашаются быть дураками.

После ужина пришло первое донесение от четверки: Гуа-Два сообщил, что прибыл в район штаб-квартиры противника и сейчас распределяет бойцов и огневую мощь.

Два часа спустя на связь вышли Гуа-Три и Гуа-Пять. Лянь Цзюнь расспросил их об обстановке и, убедившись, что все в порядке, не стал вмешиваться, велел сосредоточиться на тактике.

Около полуночи новости пришли и от Гуа-Один, которому достался самый дальний путь: он добрался до места и вместе с местным филиалом «Аньи» перегруппировывал силы, готовясь к выступлению.

Пока все шло без сучка без задоринки. Обменявшись данными, вся четверка не сговариваясь

выбрала один и тот же план: нанести прямой удар, как только бойцы займут позиции, и заставить врага врасплох.

Лянь Цзюнь не стал вмешиваться в их тактические схемы, лишь ответил, что ждет хороших новостей.

Этой ночи суждено было стать бессонной.

Мощь «Аньи» не вызывала сомнений. Гуа-Два первым протрубил атаку чуть после часа ночи. Он все время оставался на связи с Лянь Цзюнем, ведя для него прямой репортаж; судя по его словам, их силы прошлись по вражеской организации катком и не только взяли живьем ее главаря, но даже вскрыли потайной сейф, где хранилась черная бухгалтерия и прочие ценные бумаги. Улов оказался отменным.

Вскоре после этого в бой вступили Гуа-Три и Гуа-Пять, точно так же разгромив противника. Правда, Гуа-Три не удалось схватить лидера своей цели — тот покончил с собой, едва поняв, что поражение неизбежно.

Гуа-Один начал действовать последним. «Ганфайр» придавал организации в его секторе огромное значение: планировка базы и мощная система обороны делали ее крайне трудной мишенью. Гуа-Один действовал осторожно: он пошел в решительное наступление только после того, как прорвал оборону врага в самом слабом месте и закрепился на позициях.

Из-за этого бой затянулся и завершился лишь под утро. Но Гуа-Один тоже успешно разгромил вражеское гнездо, сумев помешать главарю совершить самоубийство и взяв его живьем.

В этот момент миссия, поставленная Лянь Цзюнем, была выполнена. На все про все ушло меньше суток — поразительная эффективность.

Ши Цзинь провел эту ночь рядом с Лянь Цзюнем, наблюдая за всей операцией от начала до конца. Пораженный до глубины души, он был вынужден признать: Лянь Цзюнь был абсолютно прав, не отпустив его в этот раз. С его нынешними навыками и опытом он просто не смог бы сделать то, что провернули Гуа-Два и остальные.

Пропасть в мастерстве между обычным патрульным полицейским и людьми преступного мира, чья жизнь — это непрерывная война, невозможно преодолеть парой тренировок и мелкими поручениями.

— Немедленно отходите, не дайте «Ганфайру» сесть вам на хвост. Я вышлю людей прикрыть ваш отход, но все равно будьте предельно осторожны, — отдал Лянь Цзюнь последний приказ, после чего откинулся на спинку инвалидного кресла и потер переносицу.

Ши Цзинь вынырнул из своих мыслей и поспешил к нему:

— Хочешь отдохнуть? Ты всю ночь не смыкал глаз, — заботливо спросил он.

Лянь Цзюнь опустил руку и посмотрел на него, и усталость на его лице немного рассеялась.

— А ты просидел со мной все это время, хотя совсем не обязан был. Мне еще нужно проконтролировать их отход, а вот ты иди поспи. Я позову Гуа-Девять, чтобы он тебя сменил, — сказал он, ласково проведя рукой по щеке юноши.

— Мой долг — сопровождать тебя, так что я просто делаю свою работу, — серьезно поправил

его Ши Цзинь. Он перехватил руку Лянь Цзюня, поцеловал ее и улыбнулся: — Похоже, мы еще немного пободрствуем. Подожди минутку, я принесу чего-нибудь выпить, чтобы взбодриться.

Лянь Цзюнь невольно улыбнулся в ответ. Он сжал руку юноши и кивнул, больше не настаивая на том, чтобы тот шел спать.

На восточном горизонте только-только начала разгораться первая заря, и все вокруг, естественно, еще спали. Стараясь не шуметь, Ши Цзинь пробрался на кухню, подогрел молоко, собрал немного еды и поставил все это на поднос.

Вернувшись в гостиную, он заметил кого-то полулежащего в кресле у окна. Удивившись, он сделал крюк, чтобы приглядеться, и глазам своим не поверил: в кресле в одной пижаме сидел Фэй Юйцзин. Его изможденное лицо выглядело еще хуже, чем накануне. Глаза адвоката были закрыты, между бровями залегла глубокая складка, а тени под глазами казались чернее прежнего. Глядя на него, нетрудно было догадаться, в чем дело.

— Опять кошмар приснился? — спросил Ши Цзинь.

Вздвогнув от неожиданности, Фэй Юйцзин резко распахнул глаза:

— Нет. Просто рано проснулся и вышел подышать свежим воздухом, — процедил он, по-прежнему отказываясь признавать очевидное.

«Звучало бы убедительнее, если бы ты открыл хотя бы одно окно».

Но вслух Ши Цзинь этого не сказал. Он поставил поднос, взял со столика одноразовый стаканчик и налил в него молоко. Подвинув закуску, он сказал:

— Знаешь, молчаливое терпение не сделает жизнь легче. Если не можешь заснуть, выпивай по вечерам стакан теплого молока. Спорт и легкие развлечения тоже помогают расслабиться, а перед сном стоит избегать тяжелой умственной работы. Если ничего не помогает — поговори с другом, излей душу. Это куда лучше, чем держать все в себе. Если продолжишь в том же духе, гарантирую: рано или поздно заработаешь нервный срыв.

— Ты меня проклинаешь, что ли? — сдвинул брови Фэй Юйцзин.

Ши Цзинь понял, что ему никогда не постичь логику своего братца. Посмотрев на него как на идиота, он подхватил поднос:

— Да, проклиною, — бросил он и вышел из гостиной, не желая тратить на него ни секунды больше.

Этот последний взгляд Ши Цзиня заставил Фэй Юйцзина поперхнуться словами. Он посмотрел юноше вслед, затем перевел взгляд на дымящееся молоко и ароматную выпечку на столике, раздраженно поморщился, откинулся на спинку кресла и снова закрыл глаза.

К десяти часам утра Гуа-Один и остальные наконец подтвердили, что отошли в безопасную зону. С облегчением выдохнув, Лянь Цзюнь поручил Гуа-Девять контролировать дальнейший маршрут их эвакуации, после чего вместе с Ши Цзинем вернулся в спальню.

Ши Цзинь подождал, пока Лянь Цзюнь умоется, помог ему устроиться в постели и уже собрался уходить.

Но Лянь Цзюнь перехватил его за руку:

— Ты не ляжешь спать?

— Лягу, только сначала приму душ, — ответил Ши Цзинь.

Лянь Цзюнь сдвинулся на другой край кровати, освобождая место:

— Я не против, ложись.

Ши Цзинь открыл было рот, собираясь сказать, что планировал спать у себя, но, увидев взгляд Лянь Цзюня, полный нежности и заботы, проглотил слова обратно. Послушно забравшись под одеяло, он накрыл их обоих и произнес:

— Спим.

Но Лянь Цзюнь приподнялся и поцеловал его.

Для Ши Цзиня это стало полной неожиданностью. Однако, заметив серьезное лицо Лянь Цзюня и почувствовав всю искренность этого поцелуя, он закрыл глаза и обнял его в ответ.

Они проспали до самого ужина. Днем вернулись Гуа-Один с остальными и сейчас отсыпались после операции. Лянь Цзюнь вызвал Гуа-Девять, чтобы узнать, есть ли раненные; услышав, что вся четверка цела и невредима, он со спокойной душой вернулся к делам.

Гуа-Два и остальные проснулись около десяти вечера и сразу пришли к Лянь Цзюню с докладами.

Троих захваченных живьем главарей вместе с их ключевыми подручными разделили и поместили на разных базах «Аньи». Всю добытую информацию доставили в штаб; сейчас в ней разбирается Гуа-Девять.

Уточнив некоторые детали, Лянь Цзюнь назвал еще несколько организаций, которыми предстояло заняться Гуа-Один и остальным.

Ши Цзинь удивился: он не ожидал, что последует вторая волна зачистки филиалов «Ганфайра». А вот четверка, похоже, именно этого и ждала: получив приказы, они тут же отправились их выполнять.

На этот раз Ши Цзинь был не настолько глуп, чтобы напрашиваться на задание. Проводив их взглядом, он спросил:

— Значит, ты намерен продолжать войну?

— Разумеется. Мы остановимся только тогда, когда «Ганфайр» сам придет к нам договариваться, — ответил Лянь Цзюнь. — А до тех пор...

Услышав это, Ши Цзинь вспомнил, что произошло после конференции: Цзо Ян хотел использовать Лун Ши как наживку для Лянь Цзюня, но просчитался и сам угодил в его капкан.

Ши Цзиню вдруг пришло в голову, что ситуация с «Ганфайром» чем-то напоминает те события.

Кажется, он начал понимать метод работы Лянь Цзюня: не важно, какие козыри на руках у врага — просто найди способ перехватить инициативу; если получилось — считай, полдела сделано.

Этот цикл повторялся всю следующую неделю: Гуа-Два и остальные выезжали на задание — уничтожали указанные цели — возвращались в «штаб» — получали новые приказы — и снова отправлялись в путь. Они методично вычищали подконтрольные «Ганфайру» структуры по всему юго-восточному региону, разрушая его деловую сеть.

Через несколько дней «Ганфайр» наконец опомнился и начал огрызаться. Тогда Гуа-Два и остальные просто исключили этап «возвращения в штаб»: разгромив одну организацию, они получали новые координаты прямо на месте и сразу выдвигались к следующей цели.

Из-за того, что темп атак ускорился, Лянь Цзюню все чаще приходилось работать по ночам. Его лицо сильно побледнело, а с таким трудом набранный вес снова ушел. Ши Цзинь переживал из-за этого до глубины души; он буквально приклеился к Лянь Цзюню, заставляя его есть и спать при любой возможности, изо всех сил стараясь не дать ему окончательно подорвать здоровье.

Поскольку в тот период график сна Ши Цзиня был совершенно непредсказуемым, он начал постоянно сталкиваться в гостиной с Фэй Юйцзином в самое неурочное время. Адвокат с каждым днем выглядел все хуже. Опасаясь, что тот просто свалится с ног и сорвет всею работу, Ши Цзинь при каждой встрече всучивал ему стакан молока и читал лекцию на тему «как бороться с бессонницей и кошмарами».

Фэй Юйцзину, казалось, уже тошно было на него смотреть. Его отношение сменилось от первоначального презрения к открытому раздражению и демонстративному игнорированию. Однажды он настолько взбесился, что просто развернулся и ушел к себе в комнату.

Ши Цзинь проводил его взглядом и с довольным видом прищелкнул языком:

— Я его разозлил, да? — спросил он у Сяо Сы.

Системе стало даже немного жаль Фэй Юйцзина:

<*Да, он выглядел довольно злым. Зачем ты постоянно издеваешься над ним, Цзинь-Цзинь?*>

И это действительно было издевательством. Другие могли не замечать, но Сяо Сы-то знал: Ши Цзинь намеренно изводит своего брата.

В общении с людьми Ши Цзиню порой не хватало такта, но он никогда еще не вел себя настолько назойливо и непробиваемо.

— Издеваюсь? Я просто за него переживаю! Он вечно общается со мной сквозь зубы, а я подставляю вторую щеку и проявляю заботу — разве я не золотой человек? — с невозмутимым видом заявил Ши Цзинь.

Сяо Сы решил, что любой ответ либо разозлит хозяина, либо пойдет вразрез с совестью, а потому предпочел промолчать.

Бессонные ночи сменяли одна другую. По мере того как правительство и «Аньи» стягивали все

свои военные ресурсы, а экономическая война Старого Призрака против «Девяти Орлов» набирала обороты, обстановка на Юго-Востоке накалялась. Почти все местные группировки почуяли, куда дует ветер, и тоже обратили взоры на ослабленный «Ганфайр», готовые урвать свой кусок.

После очередной волны зачисток, в редкий для этого сезона солнечный день, Гуа-Два и остальные вернулись на базу. Им приказали временно приостановить операции против филиалов «Ганфайра».

— «Ганфайр» запросил переговоры? — предположил Ши Цзинь.

— Нет, это был Цзо Ян. Он вышел на связь со Старым Призраком, — ответил Гуа-Два, зевая и почесывая густую щетину, сменившую легкую небритость. — Ох, последние дни выдались слишком уж бурными, надо сбавить обороты. Я спать! Не хочешь составить мне компанию, малыш Цзинь-Цзинь?

Ши Цзинь сделал шаг назад, всем своим видом показывая, что нет, не хочет, и молча указал пальцем за спину Гуа-Два.

Гуа-Два замер, почувствовав неладное. Он медленно обернулся и обнаружил, что за его спиной невеста откуда возник Лянь Цзюнь, который теперь смотрел на него с очень глубокомысленным выражением лица. Почувствовав, как по спине пробежал холодок, Гуа-Два тут же затараторил:

— Я просто пошутил! Правда, это была всего лишь шутка! — после чего попятился и сбежал.

Не отрывая взгляда от экрана ноутбука, Гуа-Девять прокомментировал:

— Клянусь, у него память как у аквариумной рыбки: каждый раз, возвращаясь с долгого задания, он нарывается на наказание просто потому, что не может держать язык за зубами. Так ему и надо.

Ши Цзинь прыснул со смеху.

С невозмутимым лицом Лянь Цзюнь притянул его к себе и ущипнул за губу: *«Уж кто бы говорил, и ты еще смеешься?»*

В ту ночь Лянь Цзюнь снова оставил Ши Цзиня спать у себя, причем обставил все так, будто это в порядке вещей. Ши Цзинь вспомнил о своей комнате, в которой он так ни разу и не ночевал, сделал вид, что не замечает уловок Лянь Цзюня, и безропотно лег рядом.

Как он постепенно выяснял, забраться в чью-то постель легко, а вот выбраться из нее — задачка не из простых.

В последнее время Ши Цзинь вел ночной образ жизни; вот и сейчас он проснулся под утро и больше не смог заснуть. Не желая тревожить Лянь Цзюня, он максимально бесшумно встал и по привычке направился в гостиную.

Как и ожидалось, Фэй Юйцзин был там — сидел в своем излюбленном кресле. На его лицо падала тень, скрывая выражение.

— И так каждую ночь. Знаешь, от недосыпа вообще-то можно умереть, — Ши Цзинь остановился перед ним, нахмурившись.

Прошло уже больше недели. Если так пойдет и дальше, Фэй Юйцзин точно загремит в больницу.

Адвокат не шелохнулся, неподвижный, как изваяние.

Ши Цзинь минуту изучал его взглядом, затем развернулся и ушел.

При звуке удаляющихся шагов пальцы Фэй Юйцзина дрогнули, но глаз он так и не открыл.

Через десять минут Ши Цзинь вернулся с горячим молоком и закусками. Он включил в гостиной свет, поставил поднос на журнальный столик, придвинул небольшой приставной столик к креслу Фэй Юйцзина и притащил второй стул. Закончив приготовления, он переставил поднос на столик и сел напротив брата.

Адвокат открыл глаза и посмотрел на него:

— Ши Цзинь, что, черт возьми, ты творишь? — его голос звучал удивительно спокойно, что в последние дни случалось все реже.

Ши Цзинь мельком взглянул на него и достал планшет:

— В смысле «что творю»? Я привык не спать по ночам, вот и не можетя. Решил посмотреть фильм.

— Смотри в другом месте, — попытался выпроводить его Фэй Юйцзин.

Игнорируя его, Ши Цзинь продолжал копаться в планшете:

— Нет, здесь мне нравится больше всего. Мешаю — сам уходи, — с этими словами он тапнул по иконке видео.

— А-а-а-а-а-а-а-а!!!

Из динамика планшета вырвался пронзительный визг, в ночной тишине прозвучавший особенно жутко. Фэй Юйцзин аж подскочил от неожиданности. С потемневшим лицом он процедил сквозь сжатые зубы:

— Какого черта ты делаешь, Ши Цзинь?!

— Я же сказал: смотрю фильм, — ответил тот. Придав лицу таинственное выражение, он продолжил: — Ты не знаешь, но когда я только попал в «Аньи», я шарахался от каждой тени, а из-за звука выстрелов не мог спать целую неделю. Тогда наш старый врач подсказал мне один трюк. И сработало: сон вернулся, а выстрелов я больше не боюсь.

Фэй Юйцзину безумно хотелось проигнорировать его, высмеять и выставить вон, но почти десять дней мучительной бессонницы и кошмаров довели его до грани. Вспомнив, сколько работы еще висит на нем, он немного поколебался и наконец сдался:

— Что за метод? — выдавил он из себя с трудом.

— Клин клином вышибают, — Ши Цзинь придвинул стул ближе к нему и развернул экран

планшета. — Посмотришь на это достаточно раз — и оно перестанет пугать. Сегодня безлунная ночь... самое то для ужастиков, тебе не кажется?

Фэй Юйцзин посмотрел на перекошенную, окровавленную рожу на экране и крепко зажмурился. Впервые за все время он сам потянулся за стаканом молока, который принес Ши Цзинь, и осушил его залпом.

<http://bllate.org/book/18125/1766136>